ЛЕОНТЬЕВА
Эльвира
Октавьевна

Доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой

Тихоокеанский государственный университет,
ул. Тихоокеанская, 136,
Хабаровск, Россия, 680035

LEONTYEVA
Elvira
Oktavyevna

Doctor of sociology, associate professor, head of department
Pacific National University,
136, Tikhookeanskaya Street,
Khabarovsk, Russia, 680035

elvira.leontyeva@gmail.com

Леонтьева Э.О., 2018

УДК 378 + 314.74

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КИТАЙСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ МИГРАЦИИ В РОССИЮ

Статья рассматривает китайскую образовательную миграцию в Россию как исторически укоренённый процесс, складывающийся с 1920-х гг. Рассматриваются три этапа китайской образовательной миграции и их особенности. Подчёркивается особое значение вузов дальневосточного макрорегиона на современном этапе развития.

Китайские студенты, миграция, университеты, Дальний Восток России

SOCIO-HISTORICAL FACTORS OF CHINESE EDUCATIONAL MIGRATION TO RUSSIA

The article deals with Chinese educational migration to Russia as a historically rooted process that has evolved since the 1920s. We consider 3 stages of Chinese educational migration and their features. The special importance of higher educational institutions of the Far Eastern macroregion is underlined at the present moment.

Chinese students, migration, universities, Russian Far East

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 16-33-00031 «Российские студенты в КНР и китайские студенты в России: сравнительный анализ социальных характеристик и ценностно-мотивационных установок».

За последние годы присутствие китайских студентов в российских вузах стало уже не только заметным, но и привычным явлением, которое воспринимается как неотъемлемая часть образовательного процесса. С одной стороны, наличие иностранных студентов является обязательным требованием Министерства образования РФ. С другой стороны, если университеты центральной части России и Сибири могут рассчитывать на студентов из стран СНГ, то для дальневосточных вузов выполнить это требование проще всего за счёт рекрутинга именно китайских студентов. Следовательно, можно ожидать, что дальневосточные вузы и в дальнейшем будут усиливать работу в направлении привлечения абитуриентов из КНР. А это значит, что их численность будет расти, делая тему китайских образовательных миграций в дальневосточные вузы всё более актуальной и способствуя стабильному интересу к ней со стороны российских исследователей. В ряде работ [1; 6] сделаны попытки составить целостное представление о китайских студентах как особенной социальной группе. Популярны также исследования, касающиеся мотивации китайских студентов к выбору вуза и обучению в России [7] и особенно социально-психологической адаптации и сопровождения китайских студентов.

Вместе с тем истории вопроса в российской социальной науке не уделяется достаточного внимания. Между тем она представляется очень существенной, так как позволяет обратиться к тем факторам, которые сделали китайскую образовательную миграцию в Россию не только сейчас актуально востребованной, но и исторически укоренённой. Это значит, что существуют исторические и в этом смысле глубинные причины, знание и понимание которых помогает понять и объяснить современную ситуацию. В этой работе я попробую показать, что рост современной образовательной миграции китайцев в Россию имеет не только те причины, которые сложились под влиянием глобализации и интернационализации образования в наши дни. В этом смысле он имеет чисто рациональные объяснения, на которые чаще всего указывают исследователи: географическая близость, невысокая стоимость, низкие барьеры поступления и лёгкие условия обучения [1; 6]. Существенное значение имеет также исторически сформировавшийся ресурс доверия к российскому образованию, заложенный ещё в советский период, на который редко обращают внимание современные авторы.

Исторические этапы российско-китайского образовательного сотрудничества

История китайских образовательных миграций в СССР начинается с 1920-х – 1930-х гг. и отличается крайней противоречивостью и неравномерностью в динамике. Её скорее следует воспринимать как, условно говоря, волновой процесс, когда активность и дружба сменяются периодами полного угасания, холода и равнодушия. Это в полной мере соответствует динамике российско-китайских отношений в целом. Всего в развитии китайской образовательной миграции в Россию можно выделить 3 этапа.

С начала 1920-х гг. и до второй мировой войны. Этот период характеризуется деятельностью Коммунистического Университета трудящихся Китая в Москве, входящего в систему советско-партийного образования. Именно этому периоду советско-китайского образовательного сотрудничества посвящён ряд исследований [4; 8]. Университет был основан на базе Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), в котором изначально был создан китайский сектор, затем заметно усилившийся с образованием в 1925 г. университета трудящихся Китая им. Сунь Ятсена. Просуществовав всего 5 лет, этот университет реализовал свою главную функцию – воспитание партийно-революционных кадров для нового государства. Среди выпускников КУТК – выдающиеся политические лидеры и военачальники, крупные руководители и общественные деятели. По разным данным, в университете отучилось

1 600–3 000 человек (с учётом тех, что прошли обучение в китайском секторе КУТВ ещё до образования университета Сунь Ятсена). Университет, таким образом, выполнял чисто идеологическую миссию и был закрыт в 1930 г. Его короткая, но яркая история достаточно хорошо представлена в документах и архивных данных, чего не скажешь о втором периоде китайских образовательных миграций.

Что касается Дальнего Востока, то начало присутствия китайских студентов в образовательном пространстве макрорегиона также относится к 1920-м – 1930-м гг. и, также как и в целом по России, подпадает под программу развития советско-партийной образовательной системы. Функции идеологической подготовки кадров для революционного просвещения китайских рабочих была призвана осуществлять китайская совпартшкола. В 1925–1926 гг. в ней обучалось 100 человек. Действовал также китайский политехникум во Владивостоке, китайские отделения пединститута, рабфака, Далькомвуза. В 1933 г. была создана Дальневосточная краевая высшая китайская ленинская школа с количеством обучающихся 260–280 человек. Фактически это было единственное в ДВК и СССР учебное заведение специально для китайцев [4]. Однако такие заведения были ориентированы на китайцев, которые считались нацменьшинством, то есть жили и работали в СССР. Это значит, что для Дальнего Востока в этот период актуальным было не привлечь новых обучающихся (что собственно и предполагает миграция в современном её понимании), а интегрировать тех, кто уже к этому времени жил на этой территории.

После закрытия КУТК и вплоть до окончания второй мировой войны обучение китайских граждан в России прекратилось, чему можно найти множество причин, укоренённых в международных отношениях.

Конец 1940-х – середина 1960-х гг. Второй взлёт китайско-российской «образовательной дружбы» был связан опять же с политическими причинами. Расцвет советско-китайской дружбы способствовал налаживанию устойчивых каналов образовательного сотрудничества. Кроме самой важной функции – воспитания партийной руководящей элиты – в этот период советские вузы исполняли и вполне утилитарную роль подготовки кадров для работы на советском оборудовании, которое в те годы ввозилось в КНР, и на предприятиях, которые строились при поддержке СССР. Что касается источников и конкретных данных, то этот период ещё ждёт своего исследования. Так, даже по количеству студентов, прошедших обучение в СССР, цифры исследователей разнятся. Э. МакГуайер пишет, что за 1948–1963 гг. КНР отправила на обучение в СССР 8 тысяч человек, и это составляло до половины всех иностранных студентов, обучающихся в СССР [9, р. 361]. Другой источник [2, с. 49] называет 11 тысяч человек. Точно неизвестно и распределение этих студентов по вузам СССР. Принято считать, что основные потоки направлялись в московские вузы – МАИ, МГУ, МФТИ. Тем не менее, известно, что и вузы регионов тоже принимали китайских студентов. Так, например, в 1950-х гг. в Уральском политехническом институте (г. Свердловск) прошли обучение 200–300 китайских студентов [5, с. 164].

Начиная с 1960-х гг., с изменением политической конъюнктуры, студенческий поток из КНР прекратился больше чем на 20 лет. Именно поэтому любопытны результаты рассматриваемого периода: кто вышел из стен советских вузов? какую отдачу принесли они своей стране? Это также малоизученная часть истории китайско-советского образовательного сотрудничества. Тем не менее, некоторые свидетельства позволяют реконструировать самые важные черты образа китайского студента тех лет.

Во-первых, это кандидат, который прошёл очень серьёзный отбор. Он отбирался не просто для получения образования, но для выполнения важной государственной миссии. В 1950-е

гг. получение высшего образования (и не только в КНР) было редким и исключительным благом. Особенно для тех, кто отбирался для обучения в СССР. Как пишет Э. МакГуайер, на этих студентах лежала особая ответственность не только потому, что они представляли будущую элиту китайского общества, главное – они должны были олицетворять собой советско-китайскую дружбу [9, р. 359]. Помимо жёсткого отбора, им предъявлялось большое количество требований и ограничений в процессе обучения. Например, им запрещалось вступать в брак и заводить детей.

Во-вторых, с точки зрения социально-демографических характеристик, это были выходцы из простых семей рабоче-крестьянского происхождения, очень часто без особого образования [5; 9].

В-третьих, что особенно важно для сравнения со следующим периодом, студенты 1950-х гг. отличались особым трудолюбием и усердием в учёбе [5, с. 166]. В этот период идеологическая часть программы стала сочетаться с профессиональной, и китайские студенты проходили обучение по трём основным направлениям: естественные науки и инженерное дело, военное дело и политические науки.

3. С 1990-х гг. и до настоящего времени можно говорить о третьем этапе в развитии китайско-российского образовательного сотрудничества. Но если первые два периода отличались явной однонаправленностью миграций и взаимоотношением по принципу «большой брат учит младшего», то на современном этапе можно наблюдать полноценные партнёрские связи. Так, в 2014/2015 академическом году в российских вузах обучалось более 20 тыс. китайских студентов, а в китайских вузах – более 17 тыс. россиян¹. Это примерно соразмерные друг другу потоки по численности. Другая особенность этого периода состоит в том, что меняется территориальная карта присутствия китайских студентов в России. Теперь не только ведущие вузы Москвы привлекают их для обучения, но и множество региональных университетов, среди которых за последние годы заметно усилилось влияние российского Дальнего Востока.

Роль Дальнего Востока на современном этапе развития китайско-российского образовательного сотрудничества

Дальневосточные вузы стали играть всё более заметную роль в развитии китайско-российских образовательных миграций. Данные Министерства образования показывают, что среди десяти российских вузов с самым большим присутствием китайских студентов – три дальневосточных. А наибольшая их численность по России наблюдается в Дальневосточном федеральном университете [1]. Подготовка иностранных студентов ведётся в 32 из 39 университетов макрорегиона. Это означает практически тотальную вовлечённость дальневосточных вузов в работу с китайскими студентами, которые составляют подавляющее большинство (до 90%) в иностранном студенческом контингенте. При небольшом вкладе макрорегиона в подготовку иностранных студентов в целом по стране мы имеем здесь самую большую долю присутствия студентов из азиатских стран дальнего зарубежья. Во всех остальных субъектах Российской Федерации преобладающим контингентом являются студенты из СНГ. В дальневосточных вузах их очень мало. Важно также и то, что всего в долевым выражении на дальневосточные вузы приходится почти столько же азиатских студентов, обучающихся в России, сколько в вузах Сибирского федерального округа, отличающегося своими известными и гораздо более престижными университетами.

¹ Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 6. М.: Социоцентр, 2016. С. 23.

Это позволяет говорить о начале формирования новых трансграничных контуров дальневосточного университетского пространства и новых функций дальневосточных вузов. В этом процессе ведущую роль уже играют и будут ещё больше играть не отдельные университеты, которым в одиночку сложно быть полноценным конкурентным игроком в масштабе страны, а университетские кластеры, объединяющие в себе репутационные ресурсы и студентов, которые они получают от университетов-партнёров. Эти кластеры становятся новыми центрами притяжения китайских студентов и одновременно – поставщиками российских студентов. Так, некоторые исследователи уже говорят о формировании нового международного поликультурного образовательного пространства, включающего Сибирь, Дальний Восток и северо-восточные провинции КНР [3].

Ещё раз обратимся к симметричности современных российско-китайских образовательных миграций, отличающих новый этап от двух предыдущих. Если обратить внимание на другие направления, то можно заметить, что российско-китайская ситуация уникальна. Например, из всех иностранных студентов в России самой большой группой являются представители Казахстана. Но присутствие российских студентов в вузах Казахстана – редкость и исключение. Если для россиян популярными являются США и европейские страны, то эти государства, в свою очередь, незначительно представлены своими студентами в российских вузах. То есть та ситуация, которая сложилась между Россией и КНР в рамках образовательного сотрудничества, на самом деле в своей симметричности не имеет аналогов. Вопрос в том, насколько эта ситуация устойчива, в какие последующие тенденции может развиваться и насколько полезным может быть предыдущий опыт сотрудничества. В условиях отдалённости дальневосточных образовательных центров от европейской и даже от сибирской части России, высокой миграции населения из макрорегиона и усиливающимися год от года сложностями проведения наборных кампаний в дальневосточных университетах их переориентация на трансграничные кластеры могла бы решить многие проблемы, главная из которых – простая проблема выживания и самосохранения.

Список литературы

1. Арефьев А.Л. Китайские студенты в России // Высшее образование в России. 2010. № 12. С. 54–66.
2. Борисов О.Б., Колосков Б.Т. Советско-китайские отношения 1945–1980. М.: Мысль, 1980. 638 с.
3. Гурулева Т.Л. Интеграция России в образовательное пространство АТР (на примере образовательного сотрудничества с КНР) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. № 4. С. 147–158.
4. Залеская О.В. Образование и обучение китайского населения на Советском Дальнем Востоке в 1920–1930-х гг. // Российская история. 2008. № 2. С. 97–106.
5. Каменских М.С. Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI в. СПб.: Маматов, 2011. 352 с.
6. Ларин А.Г. Китайская образовательная миграция в России: невеселая картина. URL: http://www.synologia.ru/a/Китайская_образовательная_миграция_в_России (дата обращения: 09.06.2018).
7. Никитенко Е.В. Мотивы поступления студентов из КНР в высшие учебные заведения российского Дальнего Востока // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 7. С. 103–109. DOI: 10.20339/AM.07-16.103
8. Панин Е.В. Из истории создания и деятельности Университета для китайских трудящихся в Москве (1925–1930 годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. № 2–2. С. 72–79.
9. McGuire E. Between Revolutions: Chinese Students in Soviet Institutes, 1948–1966 // China Learns from the Soviet Union, 1949 – Present. Ed. by T.P. Bernstein, H.-Y. Li. Lanham, MD: Lexington Books, 2010. Pp. 359–389.

References

1. Arefiev A.L. Chinese Students in Russia. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia]. 2010. No. 12. Pp. 54–66. (In Russian)
2. Borisov O.B., Koloskov B.T. *Soviet-Chinese Relations 1945–1980*. Moscow, 1980. 638 p. (In Russian)
3. Guruleva T.L. Integration of Russia in Asian Pacific Educational Space (the Case of Russian-Chinese Cooperation). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya* [Vestnik RUDN. International relations]. 2015. No. 4. Pp. 147–158. (In Russian)
4. Zalesskaya O.V. Educating and Training the Chinese Population of the Soviet Far East in 1920–1930s. *Rossiyskaya istoriya* [Russian History]. 2008. No. 2. Pp. 97–106. (In Russian)
5. Kamenskikh M.S. *Chinese in the Middle Urals in the late XIX – early XXI century*. S.-Petersburg, 2011. 352 p. (In Russian)
6. Larin A.G. *Chinese Educational Migration in Russia: Sad Picture*. Available at: http://www.synologia.ru/a/Kitayskaya_obrazovatel'naya_migratsiya_v_Rossii (accessed 9 June 2018). (In Russian)
7. Nikitenko E.V. Motives for Entering of Students from China into Higher Educational Institutions of Russian Far East. *Alma mater (Vestnik vysshey shkoly)* [Alma mater. High School Herald]. 2016. No. 7. Pp. 103–109. DOI: 10.20339/AM.07-16.103 (In Russian)
8. Panin E.V. From the History of Creation and Activity of the University of the Chinese Workers in Moscow (1925–1930). *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: History. International Relations]. 2011. No. 2–2. Pp. 72–79. (In Russian)
9. McGuire E. Between Revolutions: Chinese Students in Soviet Institutes, 1948–1966. In: *China Learns from the Soviet Union, 1949 – Present*. Ed. by T.P. Bernstein, H.-Y. Li. Lanham, MD: Lexington Books, 2010. Pp. 359–389.

■ ■ ■
Для цитирования:

Леонтьева Э.О. Социально-исторические факторы китайской образовательной миграции в Россию // Регионалистика. 2018. Т. 5. № 4. С. 35–40. DOI: [10.14530/reg.2018.4.35](https://doi.org/10.14530/reg.2018.4.35)

For citing:

Leontyeva E.O. Socio-Historical Factors of Chinese Educational Migration to Russia. *Regionalistica* [Regionalistics]. 2018. Vol. 5. No. 4. Pp. 35–40. DOI: [10.14530/reg.2018.4.35](https://doi.org/10.14530/reg.2018.4.35) (In Russian)